

Свобода воли как проблемный узел России

Неретина С.С., ИФ РАН, Москва

Аннотация: Вопрос о свободе воли встал в связи с переходом в правовое состояние государств, приватизированных группами частных интересов, которые сумели само право превратить в инструмент, позволяющий его безнаказанно попираť. Оппонирование позиции философов, желающих подчинить свою мысль экспериментальным выводам ученых-нейрофизиологов о том, что у человека отсутствует свобода воли, поскольку мозг принимает решение до осознания человеком своего выбора. Выбор, однако, задан свободой принять решение, независимо от времени его осознания.

Ключевые слова: свобода, право, мысль, нейрофизиология, человек экономический, человек юридический, человек проблематический, предопределение.

События последнего времени: бесконечно длящийся разгон РАН, развал системы образования, бесконечное принятие дурных законов, бесконечное неясное реформирование всего, события на Украине, Майдан, аннексия Крыма, бесконечное желание руководящих органов власти выключить самостоятельное мышление сограждан и подключить его к собственной механике рассуждений, ведущей к возврату авторитарного правления, - вынуждают не просто в сопротивлении такому положению дел, но заставляют продумывать и завязывать новые проблемные узлы. Они заставляют заново поставить вопрос о действенности/бездейственности старой, много веков существовавшей проблемы свободы воли, как раз и позволявшей сопротивляться грубому, тираническому навязыванию безумных решений. Мы сейчас много говорим и пишем о свободе. Даже телевидение вдруг вспомнило об этом человеческом состоянии, когда в результате развязанной на Украине гражданской войны вдруг стали погибать люди и среди них журналисты. Правда, в тех же СМИ свобода, как правило, отождествляется с безоглядным патриотизмом, в свою очередь, оказывающимся синонимом национализма и радостного добровольного принятия властных директив. Во всем этом надо терпеливо разбираться, памятуя, сколь важны и сейчас слова Гёте: «Свободен только первый шаг, но мы рабы второго». Ибо очевидно, что, свободно ступив на определенный путь, *избрав* его, мы должны, как говорили древние, иметь мужество идти за мыслью туда, куда она способна привести, или остановить себя, если

сочтем эту мысль способной завести в дебри зла, если она окажется «ловушкой для Золушки».

Эта проблема обладает способностью возникать в начале эр или веков, которые начинаются, словно по заказу, с потрясений. До наших мы сейчас только дотронулись, Но в начале XX в., перенесшего несколько войн (в том числе – мировую) и революций, социальных и технической, требовалось пересмотреть вопрос о статусе человека в универсуме, ибо к этому времени потерпели крах и либеральные ценности, человека касающиеся, прежде всего. «Что такое человек, чтобы Ты заботился о нем?» - этот вопрос в разных модификациях стоял перед философией с начала ее возникновения. И если вопрос стоял именно так, то требовалось проверить на прочность рождающиеся метафизические концепции и создать такую систему вещей, чтобы в нее оказались включенными такие части, как социология, космология, философия и цивилизация, не говоря уже о том, что все эти части оказались «смазаны» или приправлены теологическими идеями. К тридцатым годам XX в. стало ясно, что целостное понятие абсолютного индивида с абсолютными правами и с договорной силой формирования определенных внешних связей – миф века Просвещения. Ясно стало и то, что человек не только неотделим от окружающей среды, но и что он имманентен этой среде, и ему имманентна та среда, которую он передает следующим поколениям. Такая нераздельность окружающей среды и населяющих ее существ заставила пересмотреть вопрос о свободе, которая до этого момента рассматривалась с либеральных представлений о свободе мысли, свободе печати, свободе религиозных мнений, а потому границами свободы считались только границы различных мнений. Это, по-видимому, «всеобщая ошибка», поскольку в такое понятие свободы/несвободы не были включены страдания человечества, связанные «с законами физической природы, ее неизбежным порядком. Рождение и смерть, жара, холод, голод, разлука, болезни, общая неосуществимость целей — все это играет определенную роль в несвободе человеческих душ. Наш опыт не идет в ногу с нашими надеждами»¹.

Казалось бы, давно понято, что свобода не в тех дозволенностях, которые идут от государственной власти, тем более что мы в основном добились, чего хотели. Мы лично свободны, говорим, что хотим, и если иногда за это получаем совсем не сносную жизнь, то молчаливо понимаем, что у противной стороны тоже есть свобода действия и мысли, хотя эта противная сторона не задумываясь использует силовые и

¹*Уайтхед А.Н.* Приключение идей / Пер. Л.Б.Тумановой. М., 2009. С. 108.

административные приемы, к которому подключены юридические рычаги управления, и это вызывает нешуточное возмущение и сопротивление.

При всем том такое положение не отрицает наличия свобод хотя бы потому, что борьба идет, и борьба нешуточная, поскольку ставится под вопрос существование свободы, прежде всегда связывавшейся с самостоянием человека, который сам себя постоянно ставит под вопрос. Сейчас в ходу обсуждение возможности «перехода в правовое состояние государств, приватизированных группами частных интересов, которые сумели само право превратить в инструмент, позволяющий право безнаказанно попирать». И иногда кажется, что выступления за права – такая же отрыжка старого времени, как и желание авторитарной власти.

И тем не менее свободно поступать все равно хочется даже при наличии всех прав (их нарушение – свидетельство их имени) и при наличии добровольной сдачи этих прав в пользу частных интересов. Само такое наличие – аргумент в пользу анализа понятия «свобода воли» – понятия, почти исчезнувшего из современных реалий? Не исключено, что восторжествовало убеждение Н.А.Бердяева, согласно которому «учение о свободе воли было подсказано утилитарно-педагогическими соображениями» (мы бы добавили «и политико-экономическими»), и это скорее свобода рабства, когда человеку не нужно выбирать, он чувствует себя освобожденным, поскольку, сделав выбор, не чувствует себя в состоянии раздвоенности. Человек свободен именно тогда, когда ему не нужно выбирать². Утверждения о творческой способности человека, отождествляемой со свободой, оказалось недостаточно, как недостаточно и убеждения Л.Шестова в том, что «сущность свободы не в поступках, а до них, и не в решениях, а еще раньше - в самой “воле”»³. Воля – вещь спорная. В русском языке она, в том числе, - и синоним свободы, потому выражение «свобода воли» двусмысленно. Но воля – это и сила души. И с этой силой оказалось столь сложно договориться, что со второй половины XX – нач. XXI в. эта проблема не вставала столь часто, как в прежние времена. Большую роль в этом сыграли два страшных события: Холокост и ГУЛАГ, которые до сих пор заставляют продумывать сами эти события и все, что к ним привело. Вывод, который делает А.Бадью о человеке как существе бессмертном (а основанием для этого вывода послужила сама способность человека сохранять упрямство оставаться человеком

² См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 81–82.

³ Шестов Л. На весах Иова (Странствования по душам) // Шестов Л. Соч.: В 2-х т. Т. 2. М., 1993. С. 55.

перед лицом возможности превратиться в скота⁴), весьма серьезен и вновь отсылает нас к Шестову. Шестов же полагает, что даже «поступки – только чистая внешность, от которой мы с большим или меньшим правом заключаем к внутренним событиям человеческой жизни». И они не только в философии с ее самодвижением мысли, но в таких глубинах бытия, что вопрос о свободе воли «редко возбуждается самостоятельно... он вспыхивал и разгорался в те эпохи, когда люди подвергали пересмотру свои взгляды на первоосновы жизни»⁵. Сейчас мы их и пересматриваем, достаточно просмотреть полемику «либералов» и «консерваторов», которые причисляют себя к той или иной группе, не отдавая себе отчета о причинах такого причисления.

За последнее время появилось несколько весьма серьезных отечественных работ о свободе воли. Это выступления А.М.Пятигорского на радио «Свобода», где он рассказывал об эксперименте психолога Б.Либета, поставленном в 1979 г., Е.В.Золотухиной-Аболиной о «сотворении мира вниманием», А.Корягина, принимающего во внимание позиции Дж.Сёрля и Д. Канемана, работы Р.Гальцевой о воле как одной лишь Божественной воле, Г.Д.Левина, рассматривающего эту проблему как веру в философский детерминизм и сводящего волю к действию свободной причины⁶, выступление И.Мюрберг о решении этой проблемы А.Бадью и прекрасная книга Т.В.Черниговской «Чеширская улыбка кота Шрёдингера». Перечень можно продолжить, но суть не в нем. Суть в том, что почти все нынешние авторы так или иначе касаются связи понимания свободы воли с достижениями нейрофизиологии, результатом которой было утверждение, что мозг принимает решение раньше, чем человек воспроизводит это решение, что рождает впечатление отсутствия какой бы то ни было свободы (так и кажется, что нейрофизиологи выполняют задание: доказать подчинение воли чьим-то интересам). Эксперимент Либета состоял в том, что испытуемому, к мозгу которого подключался электрод, а к запястью датчик для регистрации движения, предлагали выбрать момент времени, когда он захочет пошевелить рукой. На основании этих исследований получалось, что мозг принимал решение раньше, чем осознавали его необходимость. Из этого можно сделать вывод, что вся наша свобода заключена в промежуток, равный 200 миллисекундам. Такой замечательный философ, как Дж.Р.Сёрль, этим «каузальным детерминизмом»

⁴Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла / Пер. с фр. В.Е.Лапицкого. СПб., 2006. С. 25–26.

⁵Шестов Л. На весах Иова (Странствования по душам). С. 56.

⁶Левин Г.Д. Свобода воли. Современный взгляд. 2001 (<http://www/sbiblio.com/forum/>).

обескуражен. В своем интервью газете «FrankfurterAllgemeineSonntagszeitung» от 29 марта 2008 г.⁷ он говорит о том, что не согласен считать компатибилизм, совместимость свободы воли с детерминизмом, хорошим решением вопроса об этой самой свободе.

Суть именно в этом. И я не вполне понимаю само желание *философа* подчинить свою мысль экспериментальным выводам нейрофизиологов, *ученых-специалистов*, которые имеют отношение к совершенно иным вещам. Однако и такой специалист, как Т.В.Черниговская, подчеркивает, что если раньше «обсуждение статуса свободы воли нейрофизиологи и психологи обычно оставляли философам», то сейчас «экспериментальные данные... такую возможность уходить от центральных вопросов физиологам закрывают, а философам более нельзя такие данные игнорировать»⁸. Можно, однако, спросить, например, на основании чего мозг принимает решение. Если он принимает *решение*, значит, у него также есть выбор, и этот выбор задан свободой принять это самое решение, а уж когда это доходит до сознания, это вопрос другой – вопрос способностей, желания проявить эти способности, силы воздействия и пр. Т.В.Черниговская сообщает (ссылаясь на исследования М.Халлета), однако, что, хотя мозг может «рекурсивно морочить нам голову», рождая «ощущение свободы воли», все же «исследования с фантомными ощущениями... показывают, что “убеждение сознания” может их [«ложную сенсорную и семантическую информацию»] уничтожить, значит, способы произвольного, сознательного воздействия даже на такие ощущения все-таки есть». Кроме того, «самость – не вещь в себе, а функция, и она не всегда включается (как и рефлексия)⁹. Это значит, что есть некий разрыв между тем, что происходит, и нашим осознанием этого и оценкой, отнюдь не всегда присутствующими»¹⁰. Поразительно, что далее исследовательница начинает ссылаться в вопросе о свободе воли именно на философов, делая акцент на том, что, хотя мозг и может морочить нам голову, но только в том случае, если мы механизмы, зомби, а не «личности, принимающие осознанные решения, за которые они несут ответственность!.. Иначе вся человеческая цивилизация является насмешкой»¹¹. Черниговская ссылается на Аристотеля, Фому Аквинского, Лютера и Шопенгауэра, но список, опять же, можно продлить. Главное, что все же именно философия, несмотря

⁷⁷ Дальше ссылки на это интервью.

⁸Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М., 2013. С. 358.

⁹ Это, вероятнее всего, и объясняет массовое согласие с установками лидеров, что нынче особенно поражает в оценках украинских действий со стороны России.

¹⁰ Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера. С. 358–359.

¹¹ Там же. С. 360.

на все достижения нейрофизиологии, психологии и пр., оказалась в состоянии задать критерии того, что по-русски несколько нелепо названо свободой воли.

Впрочем, это действительно прекрасно понимали и в Античности, и особенно в Средневековье, где каждый человек изначально полагался свободным, поскольку в акте и факте творения Творец передал ему и свободу воли, желаний и действий в надежде, что тот в результате всех отклонений найдет истинно свободный – т. е. божественный – путь. Она (свобода) не дает власть, а есть единственная власть для человека (Б.Спиноза это хорошо понимал). Что касается множества, массы или толпы, ставшей в XX в. субъектом истории, то здесь срабатывает то самое передоверие своих полномочий власти, о котором (о передоверии) говорил в свое время Т.Гоббс. Чему же удивляться? Одиночки, которых, правда, немало, не желают передоверить власти решение своей судьбы. Массы же и до сих пор действуют именно в духе Гоббса, в монархически-государственном духе, и это, разумеется, компатибилизм.

Но компатибилизм компатибилизму рознь. Августина тоже причисляли к его сторонникам, поскольку ему принадлежат слова: «А мы, христиане, принимаем то и другое», т. е. и свободу воли, и преддетерминацию.

Имел ли он, однако, в виду релятивистское отношение к подобному выбору: дескать, можно так, а можно эдак, а можно, с одной стороны, так, а с другой - иначе. Августин – крепкий логик, для него, как потом и для Спинозы, это невозможно. Для него свобода – это свобода, а предопределение – знак необходимости, но не сама необходимость. Необходимость обнаруживается в момент совершения поступка, до этого любой субъект находится в поле возможностей, т. е. свободы, которые даются их обдумыванием, что в духе времени называлось предвидением или предведением.

Обычно свобода воли считается связанной с детерминизмом по противоположности. Как говорит Сёрль в упомянутом интервью, «все наши так называемые свободные действия полностью предопределены каузальными процессами в мозгу», что они – иллюзия, что свобода состоит в отказе от каких-либо решений. Однако отказ от свободы воли – это вместе с тем и отказ от продумывания нашей жизни, что в свете поставленной перед нами проблемы о пути России выглядит не только неперспективным занятием, а эпифеноменом, философски не интересным, но весьма привлекательным для желающего утвердить свою власть на время своей жизни. Ситуация коварная. История, оказывается, не только может повториться, но и утвердиться в бесконечно циклическом движении, теряя следы и сознание происходящего. Сёрль полагает, что эволюция, давшая мозг, играет с нами великую

шутку, лишая не только свободы, но и ответственности за решения. Штука, однако, в том, что и тот, кто принимает определенные решения, с которым не согласны остальные, тоже лишен этой ответственности, и в таком случае неясно, что должны делать люди, не желающие принимать ответственность за того, кто безответственно эти решения все же принимает. Этот парадокс показывает, что ответственность, а соответственно и свобода, тоже есть. Есть и у принимающих решения «за» и у принимающих «против».

Сам обескураженный Сёрль сам для себя все решает в пользу свободы. «Детерминизм как позиция, - говорит он, - невозможен в жизни, даже если абстрактно мы в нем убеждены». Но дело в том, что и абстрактно мы в нем убеждены не вполне, поскольку можно принять решения мозга за стимул, побуждающий к ответу. И для «сознающего сознания» недостаточно предшествовавших причин для действия. Еще в VIII в. Алкуин, глава дворцовой школы Карла Великого, сформулировал такой парадоксальный вопрос: «Держу в руках восемь, уронил семь, а осталось шесть». Наш мозг настоятельно нам советует сказать, что у задачи нет решения, если из порядкового числа восемь отнять семь будет один. Но оказывается, что тот же мозг предполагает держать в руке не просто порядковые числа от 1 до 8, и не просто субстанциальные числа, но такое положение дел, при котором «один», «два», «три»... «восемь» будут не просто числами, но и именами, и если из восьми имен (Один, Два, Три и т.д.) ты уберешь все имена от Одного до Пяти и имя Семь, то останется имя Шесть. Можно допустить, что нейрофизиологи не учли или опытно не выявили такую способность мозга обладать двумя (по меньшей мере) вариантами для решений, обнаружив первое, что увидели. Но далеко нельзя быть уверенным, что после признания парадоксальности мышления. Где парадокс понимается не как долговременное заблуждение, а как две равноправно взаимодействующих логики (а именно за такое признается мышление в Средние века), Витгенштейн мог бы сказать, что он ненавидит разговоры о свободе воли.

Еще в XIII в. Майстер Экхарт называл такое бессознательное мозговое решение, которое впоследствии принимается за собственное сознательное решение, действием не активного или пассивного разума, а разума страдательного, в котором уже и изначально без ведома человека действует свободный Божественный разум. Можно просто сказать: действует Ум, Нус, действует то, благодаря чему мы – разумные существа. То, что человек осознал свое желание пошевелить рукой позже, чем осознал его мозг, означает не предопределенность действий, а всего лишь несовершенную

природу человека. Это разные выводы из одной и той же вещи. И я привела этот пример не для того, чтобы кто-то уверовал в аргументы от религии, а для того, напротив, чтобы напомнить, что самое материалистическое сознание, «эволюционно давшее мозг» (см. выше слова Сёрля), пока не в состоянии объяснить природу разума, но никто ведь и не будет отрицать его наличие, хотя бы как *causa sui*. При этом природу вовсе не обязательно понимать как необходимость. Это могут быть «все вещи», «субстанция телесная и бестелесная», «видовое отличие». Я нарочито даю средневековые, в данном случае Бозециевы, определения, чтобы нам не закоснеть и не закиснуть в современных утративших связь с изначальными представлениями пониманиях свободы и природы. А мысль, как это видно из цитаты Гёте, нельзя принимать только как свободную мысль. Свобода притаилась в начале – в начале мира. Не случайно, если следовать религиозному мифу, человек – существо природное и сотворенное, т. е. свободно необходимое.

У Августина свобода не противостоит предопределению, как впоследствии стали считать сторонники компатибилизма. Он считал (и многие поняли написанное как выбор Августином идеи предопределения в противовес свободе), что человек потому не боится признавать свои действия недобровольными, что его воля (*voluntas*) как дух жизни (*vita*) – Августин считает это однокоренными словами - есть причина человеческих действий. «Многое мы делаем такое, чего не сделали бы ни в коем случае, если бы не хотели. Сюда относится прежде всего само хотение: оно есть, если мы хотим, и нет его, если не хотим; мы не хотели бы, если бы не хотели»¹². Это апофатическое заявление очень похоже на отказ Сёрля от свободы воли. «В нашей воле нет ничего... что Бог не предузнал бы». Прочитав эти слова, легко согласиться с утверждениями об отсутствии свободы воли, поражающими человечество не одно столетие. Однако Августин продолжает: но это и значит, что она (свобода воли) есть, ибо «нельзя сказать, что предузнавший это предузнал ничто». Это очень емкая, потому и короткая, фраза. «Если предузнавший, что могло быть в нашей воле, предузнал не ничто, а нечто, но несомненно, что и при его предведении нечто в нашей воле есть»¹³.

Свобода – экзистенциально данное состояние. Предопределение свершается, когда свершается поступок. Потому эти понятия и лежат в разных плоскостях рассуждения. Ссылки же на возможности выбора между свободой и предопределением не действительны. Августин как раз эту невозможность и разъясняет. «Мы...

¹² *Аврелий Августин*. О Граде Божьем. М., 1991. Т. 1. С. 256.

¹³ Там же. С. 258.

исповедуем... одно чтобы хорошо веровать», т. е. выбирать, «другое – чтобы хорошо жить», т. е. в том числе и наработать привычки. Саму религию он понимал как выбор, производя это слово от *ge-eligo*, избирать. В трактате «О Граде Божьем» он сравнивал христианскую позицию и позицию любимого и почитаемого им Цицерона. В книге «О гадании» Цицерон, как считает Августин, отстаивает точку зрения свободы, а в диалоге «О природе богов» устами одного из персонажей он защищает эту точку зрения, а устами другого ее отрицает. Августин считает, что Цицерон это делает из своего рода суеверия: признавая существование судьбы, в то же время не отказываться от свободы воли¹⁴. Свобода как Божий град: она странствует по граду мирскому, теребя его и не давая успокоиться. Не случайно Средневековье с IV в. по XIV в. отказалось от идеи культуры как проповедницы эллинской философии (христиане называли ее языческой) и традиции как настроенности на старое (ибо Христос всегда нов). Не случайно и то, что в России с середины XIX в. при возникновении интереса к праву возник и интерес к Августину. В.С.Соловьев в статье, помещенной в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, писал, что «Августин самым решительным образом признает неотъемлемую естественную свободу человеческой воли, без чего невозможно было бы вменять человеку никакого поступка и произносить никакого нравственного суждения. Он вносит признак свободы в самое определение воли, как движения духа, *никем не принуждаемого*... Августин самым решительным образом признает неотъемлемую естественную свободу человеческой воли, без чего невозможно было бы вменять человеку никакого поступка и произносить никакого нравственного суждения. Он вносит признак свободы в самое определение воли, как движения духа, *никем не принуждаемого*... *voluntates animi motus, cogentenu*llo». Это совпало и с возникновением в России собственной самобытной философии.

Мы часто пользуемся, казалось бы, известными понятиями, забыв их смысл, полученный ими при рождении. При сравнении же старого и нового содержания можно понять и то, что связано с нами. Сейчас любой европейский человек может решить свою жизнь так, как ему не было предопределено (с этим связано, например, самоубийство, если человек, как ему кажется, оказался рожден для жизни, которую не принимает как свою жизнь). Простая фраза «я работаю» свидетельствует об активном залоге, но свидетельствует ли о нем фраза «я работаю под дулом автомата»? Это - активно-пассивный залог, который знали наши предки. Предопределение, повторим

¹⁴ См.: там же. С. 250.

еще раз, – не противоположность свободной воле, свободная воля своего рода перпендикуляр ему. Без понимания и этого, и того, о чем сказано в самом начале, не понять современную, российскую в том числе, атрофию или кризис и воли, и ее теоретического анализа. Не случайно европейские философы сдались науке, не подвергнув анализу ее данные, а российские – богословию. Нефилософские знания стали определять философию, что в значительной степени облегчает поражение философии¹⁵. Удивительно, что в наше время в Европе нет гонителей философии, а она добровольно склонила голову. В России есть именно гонители философии, насаждающие веру как основу мировидения, и часто философы пытаются аргументировать именно исходя из нее, полагая под верой, однако, не выбор, как Августин, а настоятельную потребность¹⁶, часто также провоцируемую нейрофизиологией (есть даже такая наука – нейротеология). Получается, что головы добровольно склоняются и на Западе, и в России по одним и тем же причинам. Так что говорить «Россия – не Запад» преждевременно.

Давно замечено, что сейчас происходит своего рода конкурентная борьба прав человека, что без идеи свободы разрешить нельзя, но юристы если и пользуются этим понятием, то в публицистических целях, поскольку это – не их предметное поле. Теология и право в Европе разошлись в XIX в. Поскольку суд не занимается вопросами прав человека, то делам, с этим связанным, придается уголовный характер. «...Моменты, когда мы вновь постигаем самих себя, - писал А.Бергсон, - очень редки, и потому мы редко бываем свободными. Большею частью мы существуем как бы вне самих себя. Мы замечаем только обесцвеченный призрак нашего “я”, лишь тень его, которую чистая длительность отбрасывает в однородное пространство. Наше существование развертывается скорее в пространстве, нежели во времени; мы живем больше для внешнего мира, чем для самих себя; мы больше говорим, чем мыслим, больше подвергаемся действиям, чем действуем сами»¹⁷.

К чему это ведет в России? Признание роли традиции ведет за собой утрату свободо- и волеизъявления. Но если раньше, в начале XX в. это можно было отнести за счет незрелости народа, то теперь этого сделать нельзя, хотя бы потому, что у нас если не поголовная грамотность, то открыты пути к поголовной грамотности, и невежество нельзя отнести за счет эксплуатации. Однако вполне можно поставить вопрос о том,

¹⁵ См. об этом: *Огурцов А.П.* Поражение философии // *Vox. Философский журнал.* 2013. № 15 (vox-journal.org).

¹⁶ См.: *Васильев В.В.* Сознание и вещи: очерк феноменалистической онтологии. М., 2014.

¹⁷ *Бергсон А.* Собр. соч. Т. 1. М., 1992. С. 151.

насколько необходимо развитое мышление для всего народа, который в массе сыт, обут, одет, имеет работу и достаточное количество денег. Культ традиции, зародившийся еще в Древней Греции, по мнению У.Эко, был реакцией на поднявший голову рационализм, а значит, допускает негативное отношение к знанию. Разгон академических институтов под прикрытием лозунга о необходимости их реформирования – явный тому пример.

Наше общество – общество псевдонимов и симулякров. Акцент на патриотизм – значит, на деле не только выражение презрения к слабому, но вместе это и акцент на шовинизм и национализм: негативное отношение к двойному гражданству – весомый тому аргумент, в подкорке которого лежит идея заговора. Мы думали, что это давно отжившее представление, в 90-е годы XX в. об этом кто только не писал. Но вот оказывается, что история и в то, и в наше время пишется в сослагательном наклонении: сначала выкидывается лозунг (скажем, о существовании заговора), а потом смотрят, как на него реагирует публика. Говорится «свобода воли», подразумевай «традиция», которая управляется волей *абсолютной*, сопровождаемой обвинениями в адрес современной культуры и той части интеллигенции, которая действительно проповедует эту самую свободу.

Конечно, возвращение («цикл») абсолютизма (и об этом писали и пишут многие философы, историки и политологи) есть «нормальная» реакция на любые революционные потрясения, но речь о другом: любой возврат допускает изменения, в том числе динамические. Возвращение блудного сына принесло ему отеческую, если не братскую, любовь. Но «нормальная» реакция, для фиксации которой не требуется особого исторического чутья, не то же, что «нормальное» к ней отношение: такого быть не должно. Упоение возвратом чревато насилием, общественным расколом, упованием на веру и появлением «лишних людей», ум которых несет им горе, свидетельствуя о вреде архаики. Не стоит, кстати, забывать и того, что надежда (в силу своей призрачности) находилась в древности среди зол, выпущенных на волю из ящика Пандорой.

Абсолютная воля, безусловно, самая свободная из всех свобод, а потому она исключает какой-либо диалог свободных и разных. К тому же выражение «свобода воли» на деле не вполне верный перевод выражения «*arbitrium liberum*», что значит «свободное решение». Со словом *arbitrium* связаны значения арбитра, третейского судьи, осуществляющего выбор и принятие решения. Но и это не самое важное. Гораздо серьезнее, что это слово связано с глаголом *arbitror*, депонентным глаголом, т.

е. глаголом с активным значением и пассивной формой, переводящимся как «я думаю». Свобода связана именно с обдумыванием, со страстной (от «*passio*», «страсть») мыслью, и это еще один момент, важный для понимания того, почему проблема свободы воли обдумывается не широко, а в узко интеллигентских кругах, и то, как мы говорили, с уклоном в верующий разум. Когда Сёрль говорит, что хотя мы и привыкли все объяснять каузально, но у всех нас есть и опыт знакомства со свободным выбором. В контексте свободного выбора мы можем действовать только при условии, что нам открыты реальные альтернативы. Весь вопрос, что понимать под «условием». Альтернатива – не условие обдумывания, условием является существование альтернативы.

«Мы не сможем понять, как мы поступаем, свободно принимая решения, если не исходить из свободы воли так, как я ее понимаю», - говорил Сёрль. Это значит, что действие не предопределяется достаточными каузальными условиями, но чем именно оно определяется, он не знает, а не может назвать: «У меня для этого нет термина, - говорит он, - мы ощущаем, что между причинами наших действий и нашим конкретным решением есть некий промежуток, а также существует еще один промежуток между решением и конкретным действием». Именно здесь, считает Сёрль, возникает ощущение альтернативы.

На мой взгляд, альтернатива возникла уже в момент начала обдумывания, и это не внешнее, а внутреннее условие самого обдумывания, то, что (см. выше) Экхарт когда-то назвал страдательным разумом, который включал в себя всеразумие мира и неосознанно толкал на некий путь. Это было связано с поисками смысла, *sensus*, который в качестве еще неосознанного был связан с чувственным ощущением, тоже носящим имя *sensus* как низший порог смысла. Толкование же свободы воли с учетом воли, но без разумного решения, с учетом одного лишь не обладания альтернатив, которыми чревата мысль, а с желанием их иметь готовыми, родом не из того времени, когда родилось словосочетание «свободное решение». Такое толкование родом из времени, когда Бог стал пониматься всего лишь как гипотеза, как диктатор, а не как свободно волящее живое существо и основатель всего живого, т. е. всех вложенных в это живое возможностей, или альтернатив. Но это принудило и философию подчиниться выводу одного из научных экспериментов, и свободную волю принять за иллюзию. Это, как кажется, означает игнорирование тех принципов «устройства человека» (Григорий Нисский), который охвачен и захвачен истиной, только и определяющей человека через альтернативы, через постоянно осуществляемый выбор.

В Средние века такой метод назывался «Да и Нет». При выборе «Да» «Нет» никуда не исчезало, оно оставалось как внутренняя возможность. Оно ожидало момента, когда наступит его черед. Вывод, что «все принятые нами решения, будто их «принимала какая-то машина», являются эпифеноменами, странен, потому что так казалось уже во времена Декарта, который допускал механистичность жизни, правда, при условии существования неопределимого Бога, Который сама свобода. В таком случае человек странно механистичен: он, оказывается, предопределен к свободе. Это и есть основной парадокс свободы воли. И потому можно не сомневаться, что «сознание могло ввести в систему некий элемент индетерминизма. Поэтому я, - заключает Сёрль, - заглянул в ту область, про которую мы практически наверняка знаем, что в природе есть индетерминизм. Мы точно знаем об этом на уровне квантовой механики. Однако ни один серьезный нейробиолог не считает квантово-механическое объяснение достойным рассмотрения». Можно, правда, сказать и обратное: ученый, занимающийся квантовой физикой, не счел бы достойным рассмотрения нейрофизиологическое объяснение.

Но если говорить о пути России, то ее задача поменять определение воли, сделать ее не абсолютной, а свободной, исключив абсолютную из рассмотрения, если оставаться на уровне демократии. А это значит научиться принимать разномыслие, вести диалог не с помощью силы (она ведь тоже воля), не с помощью косной, ленивой мысли, рядящейся под здравомыслие, а с помощью строгого рассуждения, поворотливого, парадоксального разума, учитывающего и традицию, и прогностику, и разнообразные общественные интенции, и направленного внимания. Мы живем в полном смысле слова в со-временном мире, где современность означает сообщаемость времен. С учетом именно со-временных параметров скорость перемен не обеспечена, ибо свобода, хотя и лежит в основе любых наших поступков, требует воспитания в прямом смысле этого слова: ее необходимо взращивать, поощрять ее вступление в право через правовые выражения, а не применять к ней карательные санкции. Раньше такой питательной средой была культура, возникшая в России в условиях нецивилизованности и ставшая ее восполнением как носитель свободы. Сейчас другие условия. При возросшей атомизации общества необходимы индивидуальные усилия каждого из его членов, способного возражать властным амбициям, способного определить незаконность правления и обвинить его в узурпации власти. Для этого достаточно не делегирования этой власти гражданских полномочий, а простой их выборности и сменяемости, не замаскированных рокировками. Вообще говоря, частица «не» часто игнорируется в нашем насыщенном категорическими императивами мире.

Между тем она должна охлаживать горячие властные головы, долженствующие знать не только то, что нужно делать, но и чего не нужно делать. Об этом фундаментальном праве напомнил Фуко со ссылкой на Бентама¹⁸, но апофатика такого рода применима именно при условии *постоянной* и *неукоснительной, неотменяемой* смены власти, пока еще являющейся синонимом силы. Будь она простым рычагом взаимодействия сил, о власти бы никто уже не говорил.

Проблема не в том, каковы фундаментальные права и как фундаментальные права разделяют область возможного управления и область фундаментальной свободы. Линия раздела, как пишет Фуко, проходит между двумя сериями вещей: между *agenda* и *non agenda*, тем, что нужно сделать, и тем, чего делать не нужно. Удивительно, кстати, как подходит анализ власти, сделанный Фуко относительно монархий XVIII в., к нынешней российской действительности, где критика правительственных интересов состоит и в том, чтобы управлять не слишком много¹⁰. «Теперь, - как он пишет, - выступают не против злоупотреблений суверенитетом, но против излишнего управления», которое «лежит в основании отношений между правом и практикой управления»¹⁹. Отсюда возникают две концепции закона: 1) закон как выражение воли, коллективной воли, проявляющейся в разделении прав на те, которыми индивиды согласны поступиться, и те, которые они хотят сохранить, и 2) закон как результат сделки, которая отделяет сферу вмешательства государственной власти от сферы независимости индивидов. Это, как считает Фуко, «приводит нас к другому, также очень важному различию, заключающемуся в том, что, с одной стороны, перед нами концепция свободы, которая есть концепция юридическая: всякий индивид изначально располагает определенной свободой, которую он кому-то уступит или нет, а с другой — свобода не мыслится как осуществление некоторого количества основополагающих прав, она воспринимается просто как *независимость* управляемых от управляющих»²⁰. Фактически это есть формулирование той идеи парадоксальности, о которой мы говорили выше, поскольку речь идет о двух «разнородных концепции свободы», которые необходимо должны сосуществовать: одна исходит из прав человека, другая - из независимости управляемых.

¹⁸Фуко М. Рождение биополитики
(<http://gtmarket.ru/laboratory/doc/6693/6708><http://gtmarket.ru/laboratory/doc/6693/6708>).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

С этим связано и все чаще высказываемое мнение о новом возникновении империи, которая противостоит абсолютизму тем, что «при ней меньше власти и меньше управления».

Такое мнение возникает среди «умеренных»: противников революционных изменений, с одной стороны, и желающих сохранить хорошую мину при нынешней коррупционной власти. Это своего рода внутренняя контрреформация, коллаборационизм, гарантирующий и свободы и следование традиции, что и вызывает антилиберальные настроения, потому что таким образом при использовании либеральных (освободительных) рычагов, преследуются меркантильно-коррупционные цели власть предержащих. Либерализм как отстаивание прав человека утрачивает свое значение, а вместе с ним утрачивает свой смысл и идея свободы как начала человека, превращаясь в то, что Фуко назвал натурализмом, что применительно к нашей стране оборачивается чуть ли не опорой на натуральное хозяйство в ситуации экономического оскудения. Поэтому надо отличать либерализм как практику свободы и прав человека и либерализм как практику свободного разрешенного захвата власти и материальных ресурсов. Но и в первом случае свобода – не просто право. Право – некоторое, неполное и неточное, выражение метафизического начала.

М.К.Петров писал еще в 50-е годы XX в. о трех социально обусловленных принципах кодирования: лично-именном, свойственном первоначальному (раньше говорили – первобытному) мышлению, профессионально-именном, свойственном восточным народам (Индия, Китай) и универсально-понятийном, выработанном в древнегреческом мире и ставшем основой европейского мышления. Его суть в сведении разнородного множества в гомогенное единство. Это способствовало созданию диалектической логики. В отличие от этой логики Фуко предлагает назвать логику соединения разнородного логикой стратегии, которая «не сводит противоречащие термины к однородному элементу, обещающему их разрешение в единстве. Она призвана установить, какие связи между разрозненными терминами возможны, а какие остаются несвязанными»²¹.

Мне, однако, кажется, что человек сейчас уже не просто *homo oeconomicus*, да и Фуко применительно к современности называет его *homo juridicus*, «правовым» человеком (по аналогии с «правовым» государством). Но это не все. Человек, вышедший на декабрьскую демонстрацию в Москве с плакатом «Мы платим налоги.

²¹ Там же.

Мы – не бандерлоги» заявил о себе не только как о юридическом лице, и даже не как о лице, исполненном достоинства. Он говорит о себе как о человеке вопроса, как о *homo problematicus*, который постоянно, как Августин, ставит себя под вопрос. Это – прямая соотнесенность со свободной волей, и создание такого человека непосредственно соотносится с путями России, поскольку соотнести надо невозможно архаичное с невозможно требуемым обновлением, ибо «постепенно человек приходит к пониманию того, что его нет как устойчивого, застывшего, имеющего более или менее четкие границы, что человек есть только стремление быть человеком, стремление, никогда не завершающееся»²². Так сказал человек, соотнесший Запад и Восток, Афины с Иерусалимом, Достоевского и Ницше, показавший тем самым необходимость взаимодействия и взаимо-понимания.

Библиография

1. *Аврелий Августин*. О Граде Божьем. Т. 1–4. М., 1991.
2. *Бергсон А.* Собр. соч. Т. 1. М., 1992.
3. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М., 1993.
4. *Шестов Л.* На весах Иова (Странствования по душам) // *Шестов Л.* Соч.: В 2-х т. Т. 2. М., 1993.
5. *Левин Г.Д.* Свобода воли. Современный взгляд. 2001 (<http://www/sbiblio.com/forum/>)
6. *Сёрль Дж.* Рациональность в действии. М., 2004.
7. *Бадью А.* Этика. Очерк о сознании зла / Пер. с фр. В.Е.Лапицкого. СПб., 2006.
8. *Уайтхед А.Н.* Приключение идей / Пер. Л.Б.Тумановой. М., 2009.
9. *Маркевич В.В.* Является ли свобода воли изобретением эволюции // Культурно-историческая психология. 2011. № 1.
10. *Огурцов А.П.* Поражение философии // *Vox. Философский журнал*. 2013. № 15 (vox-journal.org).
11. *Васильев В.В.* Сознание и вещи: очерк феноменалистической онтологии. М., 2014.

²²Губин В.Д. Понятие чистой мысли. М., 2014. С. 79.

12. Фуко М. Рождение биополитики

(<http://gtmarket.ru/laboratory/doc/6693/6708><http://gtmarket>)

13. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М., 2014.